Давайте все убьем Констанцию

Автор:
Рэй Брэдбери

Давайте все убьем Констанцию

Рэй Дуглас Брэдбери

Венецианская трилогия #3Всемирная литература

Знаменитая киноактриса Констанция Раттиган получает пренеприятную посылку: записную книжку с телефонами давно умерших. Есть чему пугаться, ведь имена немногих оставшихся в живых помечены жирным крестом, в том числе и фамилия самой Констанции. Чтобы спасти ее и раскрыть загадку последовавшей за этим цепочки смертей, потрясших Голливуд воспоминаний и Голливуд современности, героям нового романа Брэдбери (уже знакомым читателю по произведению «Смерть – дело одинокое») придется Констанцию убить. Причем всем вместе.

Рэй Брэдбери

Давайте все убьем Констанцию

Ray Bradbury

Let’s All Kill Constance

© 2002 by Ray Bradbury

© М. Воронежская, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Эту книгу я посвящаю с любовью своей дочери Александре, без которой третье тысячелетие могло бы и не наступить вовсе. А также Сиду Стебелу – с любовью и благодарностью.

Глава 1

Была темная грозовая ночь[1 - Была темная грозовая ночь – знаменитая, часто упоминаемая в пародиях вступительная фраза из романа «Пол Клиффорд», написанного в 1830 году английским писателем Эдвардом Булвером-Литтоном – родоначальником жанра криминальной беллетристики…]. Та самая, на которую лучше всего клюет читатель.

Мне ведь не жалко. Грозовая – так грозовая. Небо раскалывалось от молний, а в каналы калифорнийской Венеции[2 - Венеция – восточный пригород Лос-Анджелеса на берегу Тихого океана, построенный в начале XIX века по образцу итальянской Венеции.] обрушивались потоки воды. Дождь, который лениво моросил с самого утра, к вечеру решил взять реванш. На пляже не осталось ни души, во всех бунгало были захлопнуты ставни – город как вымер. Одни только совы зловеще мелькали в голубых вспышках, призывая Смерть… Да и кого еще можно было призвать из этого буйства стихии? Очень скоро выяснилось, что кое-кто бежит впереди Смерти…

Внезапный стук в фанерную дверь бунгало заставил меня вздрогнуть.

Я как раз прилег на печатную машинку, пытаясь победить бессонницу: кто-то для этого считает овец, я же – раскапываю могилы. И вот, сижу я в очередной яме, кругом гроза, и вдруг в крышку гроба кто-то стучит…

Открываю дверь и вижу – Констанция Раттиган.

Та самая Раттиган – которую знают все.

Стоит под молниями – и они фотографируют ее со вспышкой. Вот есть Раттиган, а вот нет Раттиган… Вот – есть, вот – нет.

Вот – есть… Вспышка выхватывает из темноты загорелое тельце морского котика, в котором каким-то загадочным образом уместились сорок лет радостей и невзгод. А вот – уже нет… Наверное, поплыла за буйки по рассветной дорожке – чтобы вечером вернуться по закатной. То она в океане – подпевает хору морских зверей… То загорает обнаженной в своем бассейне, зажав по мартини в каждой руке. А то метнется в подвал, в киноаппаратную – в очередной раз любоваться на себя, увековеченную в компании с призраками Эриха фон Штрогейма[3 - Эрих фон Штрогейм – австрийский актер и режиссер (1885–1957).], Джека Джилберта[4 - Джек Джилберт – американский поэт и автор эротических романов (1925–2012).] и Рода ля Рока[5 - Род ля Рок – американский актер (1898–1969).], которые послушно бегают по потолку и беззвучно смеются, стоит нажать кнопку… Думаете, она еще там? Черта с два. Вон она, вдалеке, скользит на доске по волнам прибоя[6 - …скользит на доске по волнам прибоя – судя по всему, героиня Брэдбери увлекалась бодисерфингом – так называется катание по волнам на маленькой доске с маленькими ластами, при котором в качестве глиссирующей поверхности используется тело серфера…]… Чем быстрее движется мишень, тем труднее в нее попасть. Ни Время, ни Смерть не смогут за ней угнаться.

Констанция.

Раттиган.

– Господи, ты-то откуда здесь? – кричит она, пытаясь перекрыть грозу.

И невозможно понять: дождь у нее на лице – или слезы…

– Господи, да ты сама-то откуда?

– Отвечай на вопрос!

– Мэгги уехала на восток на конференцию учителей. А я тут пытаюсь закончить новый роман. Дома – тоска смертная. Бывший хозяин сказал, бунгало на море свободно – приезжай и пиши. Вот я и приехал. Господи, Констанция, заходи скорей, ты же промокнешь!

– Я и так уже вся промокла. Отойди с прохода! – говорит она. А сама не двигается с места.

И чем дольше она там стоит, под молниями, тем сильнее, с каждой новой вспышкой, становится похожа на ту женщину, которую я знал раньше… Как будто пленку с призраками в киноаппаратной кто-то запустил задом наперед, и она прокручивается прямо через их жизни – фон Штрогейма и всех остальных.

Дальше, дальше – и вот уже передо мной маленькая девочка, прижимающая к груди черный портфель. Она дрожит от холода, глаза ее полны вселенского ужаса. И теперь уже невозможно поверить, что это она – сама Раттиган, легендарная звезда экрана… Собственной персоной явилась ко мне ночью в разгар грозы.

– Ну, заходи же! – повторил я.

– Так пропусти!

Она повисла на мне и впилась в мои губы страстным поцелуем – как будто в рот засунули ириску со вкусом морской воды. Побежала в комнату, потом с полпути вернулась и поцеловала меня еще раз – в щеку.

– А в этом что-то есть… – сказала она. – Но все потом. Сейчас у меня шок…

Прямо в мокрой одежде Констанция запрыгнула с ногами на диван и подтянула колени к подбородку. Зубы у нее стучали. Пришлось срочно снять с нее платье и завернуть ее в большое полотенце.

– Ты так со всеми женщинами поступаешь? – спросила она, пытаясь унять озноб.

– Только с теми, которые заявляются ночью в грозу.

– Пожалуй, не стоит рассказывать об этом Мэгги.

– Будет тебе, расслабься, Раттиган.

– Эту фразу я слышу всю жизнь, от всех своих мужиков. После нее обычно следует удар в самое больное место. Или осиновый кол.

– А ты стучишь зубами от холода или от страха?

– И то и другое… – она в изнеможении откинулась на диван. – Всю дорогу бежала. Не думала, что ты здесь, ты же съехал сто лет назад. Как же хорошо, что я тебя застала! Ты должен меня спасти.

– Боже праведный, от чего еще?

– От смерти.

– Насколько я знаю, от этой штуки спастись еще никому не удавалось.

– Господи, ты опять в своем репертуаре! Я лично умирать не собираюсь. Я хочу жить вечно!

– Звучит почти как молитва. Спустись на землю, Констанция.

– Но ты тоже будешь жить вечно. В своих книгах!

– Лет сорок, может, протяну.

– Целых сорок лет! Может, со мной поделишься?

– Могу пока поделиться выпивкой. Что тебе уж точно не помешает, так это выпить и успокоиться.

Я откопал на кухне полбутылки Cold Duck[7 - Cold Duck – американское игристое вино.].

– Бр-р, что это?

– Извини, виски не держу. Только дешевое писательское пойло. Попробуй.

– Ну и отрава, – она пригубила и поморщилась. – Быстрее! Дай что-нибудь запить!

В крохотной ванной я нашел фляжку с водкой, которую держал для бессонных ночей. Со словами: «Ну, иди же к мамочке!» – Констанция схватила ее и судорожно отпила.

– Стоп, стоп… – сказал я.

– Ладно, авось не помру, – она сделала еще пару глотков и отдала мне фляжку. – Спасибо господу.

Она откинулась на подушки.

– Хочешь знать, от кого я убегала?

– Погоди… – я схватил бутылку Cold Duck и немного отхлебнул. – Теперь говори.

– Это была смерть, – сказала Констанция.

Глава 2

Я начал жалеть о том, что во фляге оказалось так мало водки. Теперь меня тоже трясло. Включив газовый обогреватель, я еще раз обыскал кухню и обнаружил бутылку Ripple.

– О господи! – вскричала Раттиган. – Это же тоник для волос! – она отпила, и ее передернуло. – На чем мы остановились?

– На том, что ты убегала.

– Убегала от того, от чего не убежишь…

Входная дверь несколько раз дернулась от ветра.

Я взял Констанцию за руку и не отпускал, пока все не стихло.

После этого дрожащими пальцами она залезла в свою черную сумочку и достала какую-то книженцию.

– Взгляни.

«Телефонный справочник Лос-Анджелеса, 1900», – прочел я и присвистнул.

– Как ты думаешь, почему я его принесла?

Я открыл справочник и сначала пролистал всех на «А», потом дошел до «Г», перекинулся на «М», потом на «Т»… и везде были фамилии, фамилии, имена, фамилии – и все из другого столетия…

– Ты только вдумайся, – сказала Констанция.

Я вернулся в начало. Все на «А» – Александер, Альберт и Вильям. Б – Берроуз.

– Ну, да, бодрит, – сказал я, – 1900-й год. А сейчас 1960-й, – я взглянул на Констанцию, которая выглядела бледной, несмотря на сильный загар. – Вряд ли кто-то из этих людей еще жив, – я указал глазами на список. – Им уже не позвонишь. По сути, это…

– Что – это? Ну, говори.

– Книга мертвых.

– Угадал.

– Книга мертвых из Египта. Прямо из гробницы.

– Ага, из могилы, – невесело усмехнулась Констанция.

– Тебе кто-то ее прислал? – спросил я. – А записка прилагалась?

– Записка?

Я снова полистал справочник.

– Впрочем, все и так ясно. Поскольку их всех уже нет в живых, это означает, что…

– Что и мне тоже пора, – сказала Констанция.

– Стать последней в реестре Книги мертвых?

– Да.

Я вздрогнул и поднял температуру на обогревателе.

– Но это же ужасно.

– Да, ужасно, – сказала она.

– Вообще, телефонные книги – это такая штука… Я, бывает, даже плачу над ними. Во всяком случае, Мэгги так говорит. Они же разные бывают, эти телефонные книги. Все зависит от…

– Еще какие разные, – перебила меня она. – Вот, взгляни…

Она достала из сумки еще одну черную книжечку, поменьше. Записную.

Я открыл ее и прочел: «Констанция Раттиган». Дальше шел адрес ее дома на побережье. А потом, как положено, начинались все на «А».

– Абрам, Александр, Аллен… – Я огласил весь список и перешел на «Б». – Болдуин, Брэдли, Бенсон, Бус…

Я невольно похолодел.

– Это же все твои друзья… Я их всех знаю… знал.

– Вот именно.

– Почти все уже лежат на Форест-Лаун[8 - Форест-Лаун – знаменитое калифорнийское кладбище, мемориальный парк Forest Lawn, что в переводе с английского означает «лесная поляна».]. Хорош блокнотик… Прямо книга погребений какая-то.

– Поверь мне, это в сто раз хуже, чем справочник 1900 года.

– Почему?

– Потому что я собственноручно выкинула ее – сто лет назад. После того сериала – «Голливудские слуги» – я уже не могла вычеркивать имена выбывших. Просто рука не поднималась. А мертвецов в списке становилось все больше. В конце концов я решила, что книжка мне больше не понадобится. Конечно, немного живых там еще оставалось… Но я все равно ее выкинула. И вот теперь, представь, она ко мне вернулась. Я обнаружила ее сегодня, когда пришла с моря.

– О господи, ты еще и плавала в такую погоду?

– Мне без разницы – солнце или дождь. Пришла вечером с моря – а они там лежат – во дворе. Загробный подарочек.

– И никакой записки?

– А что здесь комментировать? Все и так ясно.

– Да уж… – я взял в одну руку фолиант 1900 года, а в другую – записную книжку Раттиган. – Две Книги почти мертвых – да простят меня, если кто там есть живой.

– А они там есть, – сказала Констанция. – Посмотри – вот… И здесь тоже. И еще здесь.

На трех страницах она показала мне имена, обведенные красной ручкой – и рядом с каждым был нарисован крест.

– Они что – какие-то особенные? – спросил я.

– Да, особенные. Смерть их пометила. Крестом – ты же видишь.

– Пометила тех, кто скоро умрет?

– Да! Нет! Не знаю! Но я там тоже есть. Смотри.

Ее имя на первой странице тоже было обведено красным и снабжено крестом.

– Книга мертвых – плюс список тех, кто скоро ее пополнит?

– Вот ты ее держишь – ты ничего такого не чувствуешь?

– Холод чувствую, – сказал я. – Она прямо ледяная.

Дождь стучал по крыше…

– И кто бы это мог учинить такое с тобой, Констанция? У тебя есть какие-нибудь версии?

– Сто миллионов версий… Ну ладно, пусть будет девятьсот. Десятком меньше, десятком больше…

– Не слишком ли широкий круг подозреваемых…

– Для тридцати-то лет? Как бы не маловато…

– Маловато?!

– Они же выстраивались в очереди.

– Надо было не пускать!

– Они все кричали: Раттиган!

– Надо было не слушать.

– Может быть, это сделали баптисты?

– Ох…

– Ну, хорошо. – Она последний раз припала к бутылке и поморщилась. – Ты поможешь мне найти эту сволочь – или двух сволочей, если эти Книги мертвых пришли с разных концов?

– Я не сыщик, Констанция.

– Помню, помню… Как ты чуть не утонул в канале с этим психопатом Шранком.

– Ну и что?

– И как ты лазил на Нотр-Дам вместе с Горбуном из студии «Феникс». Просто мама дорогая…

– Надо поспать. Утро вечера мудренее…

– Вот еще – поспать! А кто будет обнимать старые кости?

Она вдруг схватила обе Книги мертвых, подбежала к двери и распахнула ее с явным намерением забросить их прямо туда – в разверстую черную пасть стихии.

– Эй, подожди! – крикнул я. – Если я захочу тебе помочь, они мне понадобятся!

– То-то же! – Она закрыла дверь. – Ну что – теперь в кровать и обниматься? Только без физкультуры…

– Да у меня и в мыслях не было, – сказал я.

Глава 3

Ровно в два сорок пять чудовищная молния ударила в землю рядом с нашим бунгало. Это было похоже на взрыв. Думаю, все мыши в стенах передохли.

Раттиган так и подскочила в кровати.

– Спаси меня! – завопила она.

– Констанция… – Я вглядывался в темноту. – Ты к кому обращаешься – к себе самой, к Богу или ко мне?

– К тому, кто услышит!

– Да всем вроде хорошо слышно.

Я обнял ее покрепче.

В три часа ночи зазвонил телефон – как раз в то время, когда те, кому положено умереть, – умирают.

Я поднял трубку.

– Кто с тобой в постели? – спросил голос Мэгги откуда-то из царства тишины, где не бывает ни дождей, ни бурь.

Я снова попытался разглядеть в темноте темнокожую Констанцию, бледнолицая сущность которой была надежно скрыта под толстым слоем загара.

– Никого, – сказал я, и это была почти что правда.

Глава 4

В шесть утра встало солнце – правда, этого никто не увидел из-за дождя. Молнии по-прежнему фотографировали со вспышкой сцены истязания берега прибоем.

В тот момент, когда самая мощная из них с грохотом ударила в гущу улиц, я понял, что сейчас протяну руку и обнаружу, что кровать рядом со мной пуста.

– Констанция!

Фанерная дверь была распахнута настежь, как аварийный выход, и дождь нагло барабанил по ковру. А на видном месте лежали две телефонные книжки – большая и маленькая.

– Констанция… – Я в отчаянии оглядел комнату.

«По крайней мере, платье она надела», – подумал я.

Набрал ее номер. Тишина.

Я натянул плащ и поплелся по берегу, ничего не видя из-за дождя. Дойдя до ее дома, выстроенного в виде арабской крепости, я обнаружил, что он ярко освещен – и внутри, и снаружи.

При этом нигде не было видно ни души.

– Констанция! – срывающимся голосом заорал я.

Никто не откликнулся, свет все так же горел.

Чудовищная волна обрушилась на берег.

На всякий случай я поискал следы Констанции на песке.

Не нашел. Хотя их могло размыть ливнем…

– Ну и черт с тобой! – крикнул я.

И ушел.

Глава 5

Спустя какое-то время я шел по пыльной тропинке, проложенной в джунглях среди кустов азалии, и нес две упаковки пива. Когда я постучал в резную африканскую дверь Крумли, мне никто не открыл. Немного подождав, постучал еще раз. Тишина. Я поставил под дверью одну из упаковок пива и повернулся, чтобы идти обратно.

Последовало нескольких тяжелых вздохов – и дверь открылась, но ровно настолько, чтобы в щель пролезла рука. Желтые от табака пальцы схватили пиво и затащили его внутрь. Дверь закрылась.

– Крумли! – крикнул я и бросился к двери.

– Иди отсюда, – сказал голос изнутри дома.

– Крумли, это я, Псих. Пусти меня.

– Не пущу, – произнес голос Крумли, после чего сразу перешел в характерное бульканье. – Твоя жена звонила.

– Черт! – прошипел я.

– Она сказала, – Крумли продолжал засасывать пиво, – что, стоит ей уехать из города, как ты подцепляешь какое-нибудь дерьмо на пирсе или устраиваешь бои

без правил с командой карлиц-лесбиянок.

– Она такого не говорила!

– Послушай, Вилли, – он явно имел в виду Вильяма Шекспира. – Я слишком стар для пробежек по кладбищу и крокодильих заплывов с маской по ночам. Поставь лучше пиво под дверь. И дай бог здоровья твоей жене.

– Да пошел ты… – проворчал я.

– Она сказала, что, если ты не образумишься, она вернется раньше.

– Она может.

– Ладно, договорились, никаких внезапно прибывающих жен, – он снова отхлебнул пиво. – Надеюсь, ты помнишь, что добрые поступки заслуживают благодарности, Вильям.

Я поставил под дверь вторую упаковку пива, а сверху положил телефонный справочник 1900 года и записную книжку Раттиган. И повернулся, чтобы уходить.

Рука появилась не сразу. Сначала, будто считывая шрифт Брайля[9 - Шрифт Брайля – тактильный шрифт для слепых, изобретенный французом Луи Брайлем (1809–1852).], шустрые пальцы обследовали телефонные книги. Затем скинули их и схватили пиво. Я подождал еще. Спустя какое-то время дверь открылась снова. Рука еще раз нащупала книги и втащила их внутрь.

– Отлично! – прокомментировал я.

Отлично, повторил я про себя. Примерно через час он мне позвонит.

Глава 6

Крумли позвонил через час.

Но уже не называл меня Вильям.

– Говноу, Говнелли, Говенманн… – сказал он. – Умеешь ты все-таки создать интригу. Зачем ты подбросил мне эти Книги мертвых?

– Почему ты их так называешь?

– Ну, как тебе сказать… Я же родился в морге, детство провел на кладбище, а окончательно созрел уже в Долине фараонов, в Карнаке, – это, кажется, в Верхнем Египте. Или в Нижнем – не важно. В будущем планирую превратиться в мумию… А вообще, догадаться несложно – какую еще книгу тебе могут подать в качестве закуски к пиву, если не Книгу мертвых?

– Ты неисправим, – сказал я.

– Могу исправиться. Сейчас положу трубку и наберу номер твоей жены.

– Не надо!

– Почему же?

– Потому что… – Я запнулся, потом набрал воздуха и выпалил: – Нам надо встретиться!

– Говноу…

– Ты слышал, что я сказал?

– Да слышал, слышал… Приходи к дому Раттиган, когда начнет темнеть, – в это время из моря как раз лезет всякая нечисть.

– О’кей, у Раттиган.

Но он уже повесил трубку.

Глава 7

Правильно, в темноте. К черту дневной свет. Никакого солнца, только сумрак. На солнце все замирает. Какой интерес выходить при свете? Полночь – совсем другое дело. Деревья надевают черные тени и пускаются в пляс. Поднимается ветер. Падают листья. Шаги становятся гулкими. Скрипят стропила и половицы. С кладбищенских ангелов падает облупившаяся краска. Между уснувших фонарей, как вороны, мечутся призраки. Город слепнет – до самого рассвета.

Идеальное время для встречи – если вас интересуют тайны, мистика и приключения. Утром будет поздно. Хватайте ужас сейчас, вцепляйтесь ногтями в темноту, ловите за хвост тени.

И места лучше не придумаешь – черный-черный берег, о который бьются черные-черные волны. Именно там меня ждал Крумли – прямо у входа в белую арабскую крепость. Мы поднялись по лестнице и заглянули в дом.

Все двери были открыты, внутри горел яркий свет, и Гершвин, записанный на перфоленту пианолы в 1928 году[10 - Джордж Гершвин (1898–1937) – знаменитый американский композитор, который в 1928 году ездил в Европу – в частности, в Париж, где сочинил и записал популярное произведение «An American in Paris» и ряд других.], не уставая играл одну и ту же музыку неизвестно для кого. Констанции нигде не было.

Я открыл было рот, чтобы извиниться за то, что побеспокоил Крумли, но тот меня опередил.

– Не надо слов – лучше выпей, – сказал он и сунул мне в руку пиво. – Хотелось бы понять, что означает вот эта фигня? – он перелистнул несколько страниц записной книжки Раттиган. – Вот тут, тут и тут. И здесь тоже.

Красным было обведено штук шесть имен, а рядом жирно, с нажимом пририсованы кресты. Чернила были явно свежие.

– Констанция считает – и я с ней согласен, – что люди, которых пометили, еще живы, но жить им осталось недолго. А ты что думаешь?

– Вообще ничего не думаю, – сказал Крумли. – Я в эти игры не играю. Собирался провести выходные в Йосемитском парке. А тут ты со своими книжками – дешевый режиссеришка. Давайте будем мочиться в каждой сцене, тогда у фильма будет особый, неповторимый дух… Да я лучше поеду на ночь глядя в Йосемити, охота была выслушивать твои дурацкие бредни.

– Ладно, остынь, – сказал я, увидев, что он собрался уходить. – Разве тебе не интересно проверить, кто из этих людей уже умер, а кто – еще жив?

Я взял телефонный справочник и раскрыл его наугад. И сразу попал на страницу с огромным крестом. Имя, возле которого он был нарисован, отлично бы смотрелось на цирковой афише. Крумли мрачно молчал. Я прочел: Калифия. Царица Калифия. Бункер-Хилл. Точного адреса не значилось. Зато был номер телефона.

Крумли все так же мрачно молчал, уставившись в книгу.

– Ты знаешь, где это находится? – спросил я.

– Бункер-Хилл? Да уж знаю, как не знать. Я же родился на соседней улице. Райончик тот еще. Мексиканцы, цыгане, ирландцы – отборнейший сброд всех цветов и мастей. Там еще похоронное бюро есть – «Каллаган и Ортега», я бегал туда глазеть на трупы. Одни имена чего стоят – как будто ты где-нибудь в Хуаресе… Бомжи из Гвадалахары, проститутки из Дублина, похоронные букеты от Розариты Бич… Эй, ты! – Крумли с недовольным видом оборвал свою речь, решив, видимо, что демонстрирует слишком большую увлеченность моими делами. – Ты, вообще, слушаешь меня или нет?

– Слушаю, – сказал я. – А почему бы нам не позвонить по этим меченым телефонам и не узнать, живы ли эти люди?

Не дожидаясь возражений, я схватил книгу и побежал к бассейну, где на столике в патио был телефон – слава богу, там тоже горел свет. Боясь взглянуть на Крумли и не увидеть его, я набрал первый номер. Но, кажется, Крумли был на месте.

Мне ответил далекий голос. «Этот номер больше не обслуживается». Не успел я подумать: «Вот черт!» – как услышал: – «Подождите».

Я быстро записал новый номер, набрал его и перенес телефон поближе к Крумли, чтобы ему тоже было слышно:

– «Каллаган и Ортега», добрый вечер, – произнесла трубка матерым прокуренным голосом с провинциальным акцентом, каким обычно говорят актеры из театра Эбби[11 - Эбби – театр в Дублине.].

От радости я чуть не засмеялся в голос – я увидел, как Крумли вздрогнул.

– «Каллаган и Ортега»! – повторила трубка с явным раздражением. Я продолжал молчать. – Да кто это, черт возьми?

Когда Крумли подошел, я уже нажал на рычаг.

Он споткнулся и грязно выругался.

– Говоришь, родился на соседней улице? – уточнил я.

– Через одну – не хочешь?

– Ну-ну, – сказал я.

Крумли взял в руки записную книжку Раттиган.

– Книга почти мертвых…

– Хочешь, попробуем еще один номер? – Я открыл справочник, пролистал и остановился на «Р». – Ага, вот, нашел. Это будет получше Царицы Калифии.

Крумли прищурился.

– Раттиган, Маунт-Лоу. Что еще за Раттиган живет на Маунт-Лоу? Насколько я помню, Маунт-Лоу – это то самое место, где раньше ходил большой красный трамвай, который возил толпы народа на холм, на пикники.

От этого воспоминания на лицо Крумли набежала тень.

Я ткнул в следующее имя.

– Раттиган. Собор Святой Вивианы.

– Во имя Христа-спасателя, и в соборе Раттиган окопался?

– Как-как ты сказал? Спасателя? Речь истинного неофита, – похвалил я.

У Крумли по-прежнему был категорически недовольный вид. Я пошел на крайние меры.

– Ладно, мне пора, – сказал я и решительно шагнул в темноту.

Рискуя переломать ноги, я вынужден был пройти метров десять, пока Крумли наконец не сдался.

– Интересно, как ты собираешься туда добираться, если у тебя нет ни машины, ни прав?

– Так ты меня отвезешь, – не поворачиваясь, сказал я.

Повисла тяжелая пауза.

– Ну что, по рукам? – помог делу я.

– И ты сможешь найти этот чертов Маунт-Лоу, где ходил трамвай?

– Меня возили туда года в полтора.

– То есть дорогу показать сможешь?

– Как сейчас помню…

– Ладно, заткнись, – Крумли закинул в свой драндулет несколько бутылок пива. – Садись в машину.

Мы загрузились в авто, попрощались с Гершвином, оставив его в Париже с любимой перфолентой, и отбыли.

– Только молчи, – сказал Крумли, – можешь, если что, кивать – да или нет.

Глава 8

– Не знаю, какого хрена я все это делаю… – проворчал Крумли, чуть не выехав на встречную полосу. – Я говорю, не знаю, какого хрена…

– Да слышу я, – сказал я, глядя на проплывающие за окном холмы и предгорья.

– Знаешь, кого ты мне напоминаешь? – не унимался Крумли. – Мою первую и единственную жену. Она отлично умела пудрить мне мозги своими формами, размерами и улыбками на тридцать два зуба.

– Я – пудрю тебе мозги?

– Только попробуй скажи «нет» – живо вылетишь из машины. Или это, может быть, не ты, как только завидишь меня на горизонте, тут же садишься и делаешь вид, что поглощен разгадыванием кроссворда? И еще с умным видом вписываешь слова четыре, пока я не подойду и не настучу тебе по башке…

– Я что, действительно так делаю, Крумли?

– Не выводи меня. Ты смотришь на указатели? Давай посматривай. А еще скажи мне на всякий случай, зачем ты ввязался во все это дерьмо?

Я бросил взгляд на телефонную книжку Раттиган, которая лежала у меня на коленях.

– Она прибежала ко мне и сказала, что за ней гонится сама Смерть. Один из смертников со страниц телефонной книжки… Или тот, кто подкинул ей этот «подарочек». А может, она и сама уже вышла на него… Когда пыталась, как мы, разыскать этого типа, который имеет наглость посылать трепетным юным актрисам какие-то загробные словари…

– Юным? Тоже мне, нашел девочку, – проворчал Крумли.

– Да, девочку! Она не была бы звездой экрана, если бы не сохранила в себе этот пикантный налет нимфетки из Meglin Kiddie[12 - Meglin Kiddie – популярная в 1930–40–50-е годы театральная труппа, состоящая из актеров-детей до 16 лет.], со всеми полагающимися сексуально-акробатическими ужимками. Нет, перед нами не старушка Раттиган. Перед нами – маленькая школьница Раттиган, которая в ужасе бежит через темный голливудский лес, полный диких зверей.

– Так, понятно. Прогоняешь очередную рождественскую пургу в шоколаде?

– Что ты сказал?

– Без комментариев. Лучше подумай, зачем кому-то из этих обведенных красным друзей понадобилось посылать ей две книги гнилых воспоминаний?

– А что тебя так удивляет? Констанция за свою жизнь перелюбила кучу народу. А это значит, что теперь, по прошествии лет, куча народу ее ненавидит. Кому-то она отказала, кого-то бросила, кого-то просто забыла. Она же стала знаменитой. А они остались валяться в придорожной канаве. И вот теперь все состарились и перед уходом в мир иной решили ей отомстить.

– Ты рассуждаешь прямо как я, – сказал Крумли.

– Бог свидетель, я к этому не стремился. Я имел в виду, что…

– Да ладно, я пошутил. Тебе никогда не быть Крумли, как мне не быть Жюль Верном-младшим. Где мы?

Я поднял взгляд на дорогу.

– Стоп! Кажется, приехали. Это Маунт-Лоу! Когда-то здесь разбился насмерть великий исторический красный трамвай. Но это было давно.

– Профессор Лоу… – задумчиво добавил я, покопавшись в архивах подсознания, расположенных, по моим ощущениям, где-то по ту сторону глазных яблок, – человек, который во времена Гражданской войны изобрел фотографирование с воздушного шара…

– Откуда ты только все это берешь? – удивился Крумли.

– Просто вспомнилось, – пожал плечами я.

– Ты просто забит бесполезной информацией.

– Ну, извини, – обиженно сказал я. – Мы ведь на Маунт-Лоу, не так ли? А этот холм назван в честь профессора Лоу и его тунервильского трамвая, который ходил к вершине.

– Допустим, и что дальше? – сказал Крумли.

– Профессор Лоу придумал делать фотографии с воздушного шара, и это помогало обнаруживать неприятеля во время самой великой из войн. По сути, два изобретения – воздушные шары и железная дорога – принесли нам победу на севере…

– О’кей, о’кей, – проворчал Крумли. – Выходим из машины – и наверх.

Высунувшись из окна, я проводил взглядом заросшую бурьяном тропинку, убегающую вверх по склону и тающую в ранних сумерках.

Закрыл глаза и снова порылся в подсознании.

– До верха не меньше пяти километров, – объявил я. – Ты уверен, что надо идти пешком?

Крумли бросил на гору выразительный взгляд.

– И не уговаривай. – Он подошел к машине и как следует захлопнул дверь. – Если мы сорвемся с этой чертовой тропы, нам точно крышка.

– Именно. Поехали!

Крумли подогнал свою колымагу к подножию холма, выключил мотор, вылез и пошел вверх по тропинке, пробираясь сквозь густые заросли.

– Аллилуйя! – заорал он через минуту. – Железка! Старые рельсы! Они даже не удосужились их убрать, просто похоронили.

– Да неужели!

Весь красный от возбуждения, Крумли метнулся обратно к машине, нырнул в нее и схватился за ключи зажигания.

– Ах ты, тварь! Теперь она не заводится!

– Может, попробуешь нажать на газ?

– Попробую! Комод тебе в рот! – Крумли вдавил педаль в самый пол, так что машина дернулась и слегка прыгнула вбок.

Мы тронулись.

Глава 9

Путь наверх был сущим безумием. Трава высохла от жары до состояния созревшей пшеницы, и машина с ужасающим хрустом продиралась через нее, уже почти в темноте. Пару недель назад во всех газетах и по телевизору сообщали, что кто-то устроил здесь пал травы, и якобы весь склон погорел. Даже показали бушующий огонь. Сейчас о пожаре напоминал только легкий

запах гари.

– Хорошо, что тебе не видно пейзаж по левому борту, – сказал Крумли через какое-то время. – Высота метров триста.

Я невольно сжал колени.

– Ну, хорошо, – сто пятьдесят, – уступил Крумли.

Я зажмурился и просканировал архивы.

– Трамвайная ветка Маунт-Лоу работала на электричестве и еще дублировалась канатной дорогой.

– Так-так? – Крумли изобразил любопытство.

Я разжал колени и продолжил свой поток сознания.

– На открытие железной дороги в июле 1983 года прибыли тысячи людей, всем раздавали бесплатную выпечку и мороженое. Для первого подъема в вагончик загрузили Пасаденский духовой оркестр, который исполнял «Привет, Колумбия!». Правда, эту композицию они играли только вначале, а когда скрылись в тучах, перешли на «Ближе, Господь, к Тебе». В этот момент плакали все – все десять тысяч человек. А потом, уже на самой вершине, они сыграли «Вверх, только вверх». Следующим заходом в вагончики загрузился Симфонический оркестр Лос-Анджелеса в полном составе: струнные – в первый, медные духовые – во второй, а литавры и деревянные духовые – в третий. В суматохе забыли кондуктора вместе с жезлом. Но и это было еще не все. Ближе к вечеру в путь отправился хор Обители мормонов из Солт-Лейк-Сити – тоже в трех вагонах. В первом – сопрано, во втором – баритоны, а в третьем – басы. Они пели «Вперед, Христовы воины!», что выглядело особенно символично, когда они скрылись в густом тумане. Как писали в прессе, на многие километры все было украшено разноцветными флажками – красными, белыми и голубыми. Вечером во все газеты попала цитата из пламенной речи некой экзальтированной дамы, которая бурно восторгалась заслугами профессора Лоу, создавшего эту прекрасную железную дорогу вместе с тавернами и отелями. «Хвала Господу за все его благодеяния – и профессору Лоу!» – возвестила она. И опять все рыдали…

– Меня сейчас стошнит, – сказал Крумли.

– Тихоокеанская трамвайная дорога проходила через Маунт-Лоу, Пасаденскую страусиную ферму, Селегский львиный питомник, Миссию св. Гавриила, Монровию, ранчо Балдвина и Виттиер…

Крумли что-то прошамкал и выразительно замолчал.

Кажется, он хотел этим что-то сказать.

– Мы что – приехали? – спросил я.

– Разуй глаза, слизняк…

Я присмотрелся.

– Кажется, приехали.

О том, что мы прибыли на место, красноречиво говорили руины железнодорожной станции и остатки сгоревшего павильона.

Мы с Крумли вылезли из машины, и перед нами открылся живописнейший вид: окрестные земли, которые простирались до самого моря.

– Такого, наверное, не видывал сам Кортес[13 - Эрнан Кортес (1485–1547) – испанский конкистадор, завоевавший Мексику и уничтоживший государство ацтеков.], – сказал Крумли. – Просто блеск. Остается только удивляться, почему это все до сих пор не восстановили.

– Политика, однако…

– Как всегда. Ну, и где, скажи на милость, мы должны искать здесь абонента по фамилии Раттиган?

– Везде!

Примерно в двадцати метрах, среди перечных деревьев, мы заметили небольшой дом, наполовину вросший в землю. Огонь его пощадил, зато непогода отыгралась по полной: краску смыло дождем, а крышу местами сорвало ветром.

– Значит, труп находится там, – сказал Крумли, как только мы двинулись к дому.

– Почему сразу труп?

– Дальше иди один. Я останусь здесь переживать по поводу того, что взял так мало выпивки.

– О’кей, поиграем в детектив… – Я решительно подошел к дому и рывком распахнул дверь. Когда она открылась, я на всякий случай отпрыгнул назад, а уж потом заглянул внутрь.

– Крумли! – крикнул я.

– Что? – отозвался он издалека.

– Иди сюда.

– Что там – труп?

– Не то слово.

Глава 10

Перед нами был лабиринт из прессы. Огромные штабеля New York Times, Chicago Tribune, Seattle News, Detroit Free Press, настоящие катакомбы – с узкими проходами, с поворотами и тупиками. Ходить здесь было опасно для жизни – в любой момент мог последовать сход лавины.

– Господи, спаси меня! – поежился я.

– Помолись как следует, – прорычал Крумли. – Спаси меня, Господи, от тысяч воскресных и ежедневных газет, лежащих здесь слоями – и от старых пожелтевших спаси, и от свежих белых… И от одной пачки спаси, и от сотни пачек!

Коридор из прессы делал изгиб и скрывался где-то в темноте за углом.

Мы с Крумли, втянув животы и задницы, осторожно протискивались между его стенами. Наверное, так же чувствовал себя лорд Карнавон, обнаруживший в 1922 году гробницу Тутанхамона. Древние заголовки, некрологи. Впереди штабеля, сзади штабеля… Куда ведут, зачем ведут?

– А если, не дай бог, землетрясение? – прошептал я.

– Было уже! – раздался вдруг голос откуда-то снизу, из дальнего конца газетного коридора. – Снесло все к чертовой матери! Сам чуть не погиб!

Наверное, это была мумия.

– Кто здесь? – спросил я. – Где вы, черт возьми?

– Как вам мои катакомбы? – весело продолжала мумия. – Все сам строил! «Утренний дайджест», «Ночная жизнь», «Новости со скачек», «Воскресные комиксы» – все по кирпичику. Сорок лет! Целая музейная библиотека новостей, не для печати. Проходите сюда, ко мне! После плавного поворота резко налево…

– Пошли! – тяжело дыша, подтолкнул меня Крумли. – Где-то здесь должен быть просвет.

– Сюда! – прохрипел голос. – А не то задохнетесь. Забирайте налево. И не курите там. Огнеопасная зона: «Гитлер захватил власть», «Муссолини сбросил бомбы на Эфиопию», «Кончина Рузвельта», «Черчилль строит железный занавес» – и все в таком духе.

Мы миновали последний поворот, бумажная чаща расступилась, и мы вышли на поляну.

В дальнем ее конце мы увидели армейскую раскладушку. На ней лежало нечто, одновременно напоминающее кусок вяленой говядины и восставший из-под земли мумифицированный труп. Воняло оно безбожно. Я подумал, вот же он – не мертвый и не живой.

Мы осторожно приблизились. Запах окреп, и его природа стала более понятной. Пахло не смертью, а давно не мытым телом.

Когда мы подошли, нечто зашевелилось, в результате чего произошло частичное отслоение от лица фрагментов старого одеяла, а в трещинах высохших век появились проблески света.

– Извините, что не встаю, – произнесли трясущиеся сухие губы. – Со мной это уже лет сорок, со времен осады Армантьера. – Он попытался извлечь из себя кудахтающий смех, но в итоге чуть не умер от кашля.

Откашлявшись, он продолжал, уже шепотом:

– Все, порядок… – Голова откинулась набок. – Ну, и где вы были?

– В смысле?..

– Я вас ждал! Какой сейчас год? 1932-й? 1946-й? 1950-й?

– Теплее…

– 1960-й. Попал?

– В яблочко, – сказал Крумли.

– Видите, я еще не совсем… того, – прошелестели губы. – Что, принесли мне харч?

– Харч?

– Понятно, ложная тревога. Мне тут пацан притаскивает банки с собачьим кормом, я каждый раз боюсь, что он обрушит к чертовой матери всю эту Граб-стрит[14 - Граб-стрит – улица в Лондоне, название которой стало нарицательным для обозначения литературных поденщиков, дешевых компиляторов и «желтых» журналистов.]. Вы же – не он?

Мы с Крумли покачали головами и опасливо огляделись.

– Как вам мой чертог? Между прочим, слово «чертог» происходит от корня «черт». Первоначально оно означало – «защитное укрепление от чертей». Это уже потом все договорились, что «чертог» будет значить – «дворец». Чтобы повысить ренту. Где я был тогда? Ладно, не суть… Что скажете?

– Читальный зал общества «Христианская наука»[15 - «Христианская наука» – протестантская секта, основанная в 1866 году Мэри Бейкер-Эдди, пропагандирующей исцеление силой духа.], – сказал Крумли.

– Вот я и говорю – дурная голова… – продолжал Рамзес II. – Начал эту бодягу в 1925 году. И не смог остановиться. Руки загребущие. Началось с того, что я забыл выбросить утренние газеты. Потом они скопились за неделю. А потом пошло-поехало – Tribune, Times, Daily News… Вот тут справа 1939-й год. Слева – 1940-й. За ним – 1941-й. Осторожнее!

– А если вам понадобится конкретная газета за какое-то число, а она лежит в самом низу, под слоем толщиной в метр?

– Лучше не думать об этом. А за какое число?

– Девятое апреля 1937 года, – ляпнул я наугад.

– Начинается… – проворчал Крумли.

– Не мешай парню, пусть спрашивает, – поднимая пыль, прошуршали ошметки одеяла. – Отвечаю: Джин Харлоу, скончался в двадцать шесть лет. Уремия. Похороны с утра, на Форест-Лаун, музыкальное сопровождение – дуэт Нельсон Эдди и Жанетта Макдональд[16 - Нельсон Эдди (1901–1967) и Джанетт Макдональд (1903–1965) – популярный вокальный дуэт 1930–1940-х годов,

снялись вместе в нескольких музыкальных фильмах.].

– Боже милосердный! – воскликнул я.

– Чтоб я опух, – сказал Крумли. – А еще?

– Третье мая 1942 года, – выпалил я.

– Погибла Кэрол Ломбард. Авиакатастрофа. Гейбл в слезах…[17 - Кларк Гейбл (1901–1960) и Кэрол Ломбард (1908–1942) – голливудские звезды, муж и жена с 1939 года.]

Крумли переглянулся со мной.

– Вы только это можете вспомнить? Про звезд кино – кто когда умер?

– Ну, вот что. Хватит меня дурачить, – произнес голос из загробного мира. – Что вы тут делаете?

– Мы пришли, гм, чтобы… – начал Крумли и сбился.

– Дело в том, что… – продолжил я.

– Не надо, я понял, – старичок зашевелился и поднял настоящую пыльную бурю. – Вы – вторая серия.

– Вторая серия?

– В последнее время на Маунт-Лоу добираются только те, кто собрался сигануть с обрыва. Правда, никто так и не решается – все спускаются обратно и там, внизу, находят утешение под колесами. А вот сегодня в полдень…

– Сегодня?!

– А почему бы и нет? Можно ведь и проведать иногда старую рухлядь – а то я уже мхом тут зарос без женской ласки, считай, с 1932 года. Несколько часов

назад слышу – кто-то крадется через мои залежи дурных новостей… А потом как завопила! Сказка про горшочек каши. Помните? «Горшочек, вари!» И он стал варить. Девочка его запустила. А слово, чтобы остановить, забыла. И чертова каша затопила весь город. Людям приходилось проедать в каше дорожки, чтобы прийти друг к другу в гости. А у меня, вот, не каша, а старые газеты… Так о чем я?

– Завопила.

– Ну да. Где-то примерно между London Times и Le Figaro… Вы когда-нибудь слышали, как кричит осел? Я аж штаны промочил – как она заорала. Думал, стены рухнут от ее крика. Стоит ведь одну стопку завалить – и они все, как костяшки домино… Вся печатно-массовая архитектура. Верная гибель!

– Как при землетрясении…

– Хуже! Бывали у меня землетрясения. Трясло дай боже… Пережил и «Потоп на реке Янцзы», и «Римские походы Дуче». Даже во время самых мощных толчков – в 1932-м – мои карточные домики устояли. А эта фурия – она же страшнее атомной войны… Пришла, начала на меня орать, обвинять во всех грехах, стала требовать какие-то газеты. За такое-то число такого-то года, за такое-то такого-то… Я говорю ей: посмотри в левом ряду сверху, потом в правом… У меня ведь все по порядку. Слышали бы вы, что она там устроила! Прямо «Пожар в Лондоне» номер два. А потом как хлопнет дверью – и побежала. Наверное, обрыв искать, чтобы с него сигануть. Машину-то вряд ли за ней прислали… Что, так и не догадались, о ком речь? Я ведь нарочно не стал называть имя.

– Откуда же мне знать, – недоуменно пожал плечами я.

– Видите письменный стол с кошачьим наполнителем? Разгребите мусор и найдите там бумаги с вензелями.

Я подошел к столу. Под слоем пыли и какого-то птичьего помета мне удалось обнаружить стопку абсолютно одинаковых приглашений.

– Кларенс Раттиган и… – Я запнулся.

– Читайте, читайте! – сказал старик.

– …и Констанция Раттиган, – выдохнул я, после чего продолжил: – Рады сообщить о своем бракосочетании на вершине Маунт-Лоу 10 июня 1932 года, в три пополудни. Доставка наверх по железной дороге и на моторе. Шампанское для гостей.

– Вы такое не получали? – спросил Кларенс Раттиган.

Я поднял взгляд к потолку и покопался в архивах.

– Кларенс Раттиган и Констанция Раттиган… Постойте-постойте. А как же девичья фамилия невесты… Констанции?

– Намекаете на инцест?

– Ну да, звучит немного странно.

– Смешно сказать, – прошелестели губы, – но это Констанция заставила меня сменить фамилию! Моя фамилия была Оверхольт. И она сказала, что ни за что в жизни не поменяет свой шикарный псевдоним на какую-то второсортную дешевку.

– То есть вы покрестились другим именем прямо перед брачной церемонией?

– Нет, не другим именем. Я вообще принял крещение в первый раз. Дьякон там, в Голливуде, подумал, что у меня не все дома… А вы когда-нибудь пробовали спорить с Констанцией?

– Я…

– Только не говорите мне, что да! «Люби меня – или уходи» – так, кажется, она пела. Очень красивая мелодия. В общем, вымазали меня каким-то маслом – или елеем, черт его разберет… Наверное, второго такого идиота не нашлось во всей Америке – который бы своими руками сжег свое свидетельство о рождении…

– Будь я проклят…

– Да нет, это будь я проклят. Ну, что вы так смотрите?

– На вас смотрю.

– Понятно, – сказал он, – видок у меня не очень. Да и раньше был не ахти… Видите блестящую штуковину там, на столе, рядом с приглашениями? Это рукоятка от трамвайного колокольчика – с трамвая на Маунт-Лоу. Раттиган любила, когда я в него звонил. Я был вагоновожатым этого чертова трамвая… Ради всего святого, есть ли тут где-нибудь глоточек пива? – неожиданно вырулил он.

Я чуть не подавился.

– Вы только что сделали такое признание, объявили себя первым мужем Раттиган, а после этого как ни в чем не бывало переходите к пиву?

– Я не говорил – первым. Одним из нескольких. Так что там насчет пива? – Он пожевал губами.

Крумли со вздохом полез в карманы.

– Вот пиво, и еще есть печенье – бисквит в шоколаде.

– Печеньки! – Старик высунул язык и я положил на него бисквит Mallomar, который тут же стал таять, как священная облатка. – Печеньки! Шоколад! Женщины! Жить без них не могу!

Он приподнялся, чтобы глотнуть пиво.

– Раттиган, – умоляюще сказал я.

– Ах да. Про женитьбу. Она приехала сюда на моем трамвае – и ее очень разозлила погода, она почему-то решила, что это моих рук дело, и предложила пожениться, а потом, в какую-то ночь, уже после медового месяца, выяснила, что ошиблась, что на самом деле я не могу управлять климатом, быстро охладела ко мне и сбежала. А мое тело уже никогда не будет таким, как

прежде… – Старик вздрогнул.

– Это все?

– Что значит – все? А вам удавалось хоть раз выиграть у нее две партии из трех?

– Почти… – тихо сказал я.

После этого я вытащил записную книжку Раттиган.

– А вот что привело нас сюда.

Старик впился взглядом в свое имя, обведенное красным.

– Кто вас сюда направил? – он снова глотнул пиво. – Погодите… Вы – какой-то писатель?

– Ну, допустим, какой-то…

– Как я вас вычислил! И давно вы с ней знакомы?

– Несколько лет.

– Сочувствую, сынок. Один год с Раттиган – это уже тысяча и одна ночь. Причем в сумасшедшем доме. В общем, мне все понятно. Эта чертовка пометила меня красным, потому что хочет, чтобы ты написал для нее автобиографию. Мемуары. А я ей нужен, как Старый Гейзер[18 - Имеется в виду известный гейзер Old Faithful – одна из достопримечательностей Калифорнии.].

– Не думаю.

– Разве она не просила тебя про нее написать?

– Нет, не просила.

– И зря, между прочим. Идея отличная! Книга про Раттиган! Хищники на свободе! Такая отпетая стерва, как она, тянет на бестселлер! Одна ночь с Раттиган – и утром ты просыпаешься в лучах славы. Давай, сынок, руки в ноги – и вниз, подписывать договор с издательством. И мне тоже отстегнешь процентик. О’кей?

– О’кей.

– А пока – еще печенек и пива. Дальше-то будешь слушать?

Я кивнул.

– Вон на том столике… – кажется, имелся в виду ящик из-под апельсинов, – найдешь список приглашенных на свадьбу.

Я порылся на «столике» и среди кипы счетов откопал листок глянцевой бумаги.

– Тебе что-нибудь известно о происхождении слова «Калифорния»? – спросил он.

– А кто все эти… – начал я, но он остановил меня взглядом.

– Не гони лошадей. Так вот, когда выходцы из Испании пришли на север из Мексики в 1509 году, они привезли с собой книги. В одной из них, изданной в Испании, упоминалась царица амазонок, владычица земли молока и меда – Калифия. Страна, которой она правила, называлась Калифорния. Придя в эту долину, испанцы вкусили молока и меда и решили назвать ее…

– Калифорния?

– А теперь загляни в список приглашенных.

Я заглянул и прочел:

– Калифия! О господи! Мы же пытались ей сегодня позвонить! Где она?

– Именно это и хотела выяснить Раттиган. Когда-то эта Калифия предсказала ей нашу женитьбу – но почему-то не удосужилась предсказать печальный финал. Да-да, это из-за нее Раттиган меня захомутала, а потом устроила весь этот дурдом на вершине с дешевым шампанским. А сегодня, представьте себе, заявилась ко мне и вопит прямо с порога: «Где эта сука?! Ты должен знать!» Я ей в ответ: «Да я-то тут при чем! Это же Калифия! Это она сломала нам жизнь! Давай, Констанция, ату – найди ее и убей! А потом еще раз убей! Смерть Калифии!!!»

Мумия в изнеможении откинулась на свое ложе.

– Вы прямо так ей и сказали? – спросил я. – Именно сегодня?

– Факт! – выдохнул старик. – Послал ее по следу. Пусть найдет эту… пред-исказительницу, – голос его ослаб. – Еще… бисквит…

Я положил ему на язык печенье. Оно растаяло, и он сбивчиво продолжил:

– Думаете про меня, что я тряпка и увалень? А у меня, между прочим, пол-лимона лежит в банке. Можете проверить. Откуда? Скупал на Уолл-стрит полумертвые акции и дожидался, когда они оживут. С 1941 года случилось много чего – Хиросима, Эниветок[19 - Эниветок – атолл в Тихом океане из группы Маршалловых островов, на котором в 1946–1958 годах армия США проводила испытания ядерного оружия.], скандал с Никсоном… Тогда я и прикупил себе – и IBM, и Bell… Зато теперь я – хозяин шикарных видов на Лос-Анджелес. У меня есть портативный туалет системы Andy Gump. А мальчишка-посыльный из магазина в Глендейле притаскивает мне сюда наверх тушенку, консервированные бобы и бутилированную воду – а я отстегиваю ему чаевые. В общем, жизнь Райли![20 - Здесь имеется в виду популярный американский фильм – комедия-вестерн 1927 года «Жизнь Райли».] Надеюсь, теперь-то – полная явка призраков моего прошлого?

– Почти.

– Раттиган, конечно, Раттиган… – продолжал старик. – Браво, бис и бурные аплодисменты. В газетах про нее частенько писали… А знаете что? Забирайте-ка их. В четырех первых стопках слева и в шести – справа. Берите то, что лежит сверху. Они все разные. Кошечка немного наследила по дороге в Марокко[21 -

Аллюзия на известный фильм 1945 года «Дорога в Марокко».]. А сегодня вернулась специально, чтобы подчистить гуано.

– Вы ее действительно видели?

– А зачем видеть? Вполне хватило и того, что я слышал. Крик был такой, что самого Румпельштильцхена[22 - Румпельштильцхен – карлик из сказки братьев Гримм, который от злости разорвал самого себя.] разорвало бы пополам, а потом опять склеило.

– Она хотела адрес Калифии?

– Да, и еще газеты… Забирайте их – и валите ко всем чертям. Этот чертов развод никогда не кончится…

– А это можно взять? – Я показал на приглашение.

– Да берите хоть всю пачку! Кому они нужны? Кто по ним явился? Только тупоголовые дружки Раттиган… Которыми она подтиралась вместо туалетной бумаги, а потом комкала и бросала в нужник. «Ничего, закажем еще!» – это была ее любимая фраза. Забирайте приглашения. Найдите газеты. Как, ты сказал, тебя зовут?

– Я не говорил.

– Ну и слава богу! А теперь идите! – сказал Кларенс Раттиган.

Мы с Крумли осторожно протиснулись между башнями лабиринта, взяли из разных стопок восемь разных газет – и уже собрались выруливать к выходу, как вдруг на нашем пути вырос мальчишка с картонной коробкой в руках.

– Что у тебя там? – спросил я.

– Продукты.

– Выпивка, что ли?

– Продукты, – сказал парень. – Он все еще… там?

– И больше не приходите! – раздался голос Тутанхамона из недр газетных катакомб. – Меня все равно не будет!

– Он еще там, – сказал мальчишка, заметно побледнев.

– Три пожара и одно землетрясение! И еще одно грядет… Я его чую! – Голос мумии стал слабеть.

Мальчик поднял на нас взгляд.

– Это все вы…

Я сделал шаг в сторону, пропуская его.

– Не двигайтесь и не дышите. – Он стал протискиваться мимо нас.

Мы с Крумли перестали двигаться и дышать.

И он скрылся.

Глава 11

С божьей помощью Крумли развернул свою колымагу и умудрился съехать вниз, не сорвавшись в пропасть. Всю дорогу я сидел, вытаращив глаза.

– Только ничего не говори. – Крумли старался не смотреть на меня. – Я не хочу это выслушивать.

Я судорожно сглотнул.

– Три пожара и одно землетрясение. И еще одно грядет!

– Я же просил! – Крумли врезал по тормозам. – Оставь свои жалкие мыслишки при себе! Можешь быть спокоен, землетрясение уже началось – «Раттиган» называется. Живым точно никто не уйдет! А теперь выметайся из машины.

– Я боюсь высоты.

– Ну, тогда захлопни пасть!

Мы проехали двадцать тысяч лье под гнетом тяжелого молчания. Встали в пробку, и я решил просмотреть газеты.

– Не понимаю, – сказал я, – почему он отдал нам именно их?

– А что там?

– Ровным счетом ничего. Ноль. Пшик.

– Дай-ка сюда… – Крумли взял газету и одним глазом заглянул в нее, а другим продолжал смотреть на дорогу.

Пошел дождь.

– Эмили Старр, умерла в двадцать пять лет, – зачитал он.

Автомобиль вильнул.

– Смотри на дорогу! – крикнул я.

Он взял следующую.

– Коринн Келли разводится с фон Штейнбергом…

Он швырнул газету через плечо.

– Ребекка Стендиш в больнице, при смерти…

Еще одна полетела ему за спину.

– Женевьев Карлос выходит замуж за сына Голдуина. Ну надо же…

В уютном свете молний Крумли просмотрел еще три выпуска. Все они так же перекочевали на заднее сиденье.

– А еще клялся, что дружит с головой. Нехорошо, нехорошо…

Я снова взялся за старую прессу.

– Наверное, мы что-то пропустили. Не стал бы он хранить их просто так.

– Да брось ты… Эти коллекционеры с психами по одним дорожкам ходят. И тараканы у них общие.

– Но ведь и Констанция… – начал я и тут же запнулся. – О боже… Сядь, а то упадешь!

– Да я и так сижу, – сказал Крумли, картинно откинувшись за рулем.

– Смотри, вот здесь, на страничке светской хроники. Огромное свадебное фото. Боже мой, Констанция, на двадцать лет моложе… И рядом с ней – мумия, тот самый мужик с холма, тоже еще свеженький – и вполне ничего из себя. А по бокам – Марти Кребс, помощник Льюиса Б. Мейера и… Шарлотта К. Калифия, подпись – астролог!

– Астролог! Да еще какой. Не успела предсказать свадьбу на Маунт-Лоу – как Констанция тут же побежала подтверждать прогноз. Поищи-ка лучше раздел некрологов.

– Некроло… Ого!

– Что там еще?

– Кое-что. Ежедневный гороскоп от… Царицы Калифии!

– И какие предсказания? Ясно? Безоблачно? Идеальный день, чтобы сажать овощи или выйти замуж за придурка? Огласи.

– «Удачная неделя, удачный день. Принимайте все предложения, совершайте любые сделки».

– Ну, хорошо – гороскоп, а дальше-то что? – спросил Крумли.

– Мы должны найти эту Калифию.

– Зачем?

– Если ты не забыл, она ведь тоже помечена красным. Надо увидеться с ней, пока ничего не случилось. Крест – это же знак смерти? Так ведь?

– Не факт. Этот Тутанхамон с Маунт-Лоу еще вовсю шевелит клешнями, а его имя тоже обведено – и с крестом у него все в порядке!

– Да, но у него есть предчувствие, что кое-кто точит на него зубы, – напомнил я.

– Кто – Констанция? Эта финтифлюшка?

– Хорошо… Допустим, старик пока жив – хотя от него толку, как от козла молока… Но это не значит, что Калифию уже не убрали. Может быть, она могла бы рассказать нам больше. Надо обязательно найти ее адрес.

– Всего-то? Аллилуйя! – Крумли резко свернул на обочину и вышел из машины. – Все-таки обидно, что большинство людей не имеют привычки думать. Понятно, что Констанция не думает никогда в принципе. Но мы-то! Надо быть совсем тупыми, чтобы не попытаться поискать адрес в «Желтых страницах»!

Он перебежал улицу, зашел в ближайшую телефонную будку, быстро пролистал справочник и вырвал оттуда страницу. Через минуту он был уже возле машины.

– Телефонный номер старый, а вот адресок может пригодиться.

Он сунул мне под нос вырванную страницу. Я прочел: «ЦАРИЦА КАЛИФИЯ. Хиромантия. Френология. Астрология. Египетская некрология. Ваша жизнь в моих руках. Добро пожаловать».

И в конце – месторасположение этого гнусного вместилища зодиака.

– Итак! – сказал Крумли, который после пробежки так часто и глубоко дышал, что был близок к обмороку из-за гипервентиляции легких. – Что мы имеем? Констанция вывела нас на египетскую древнюю книгу, а книга указала на Калифию, которая велела ей выйти замуж за монстра.

– Ну, это еще неизвестно!

– Ты даже не представляешь, насколько! Вот заодно все и выясним.

Он завел мотор, и мы поехали выяснять.

Глава 12

Как только мы вырулили на Бункер-Хилл к Центру парапсихических исследований Царицы Калифии, наше следствие сдвинулось с мертвой точки. Крумли едва успел бросить недобрый взгляд на парапсихическую вывеску, как я указал ему еще на одну, которая не могла его не порадовать: ПОХОРОННОЕ БЮРО КАЛЛАГАНА И ОРТЕГИ.

Это явно его воодушевило.

– Как будто домой приехал, – сказал он и остановил свой драндулет.

Я вышел.

– Ты идешь? – спросил я.

Крумли продолжал сидеть в машине, держась обеими руками за руль и изображая, как будто мы едем.

– Куда? – сказал он, выглядывая из-за опущенного стекла. – Мы же еще не до конца съехали. В смысле, с холма. Или, думаешь, окончательно?

– Короче, ты идешь? Ты мне нужен.

– Ну и что ты встал? – Крумли уже поднимался по крутым ступенькам бетонной лестницы.

Покрытая трещинами дорожка вела к ветхому сооружению, больше похожему на клетку для птиц, чем на жилой дом.

– Пекарный цех по производству дурных предсказаний, – сказал Крумли.

Мы прошли еще немного. Встретили на своем пути сначала кошку, потом козу, а потом павлина, который стал строить нам глазки, развернув свой тысячеглазый хвост. Я постучал в дверь – и ответом мне был целый снегопад облупившейся белой краски, которая тут же украсила мои ботинки.

– А дом-то крошится прямо на глазах, – заметил Крумли. – Как бы весь не раскрошился.

Я постучал еще раз – осторожно, одними костяшками. За дверью раздался звук, как будто кто-то передвигает по паркету огромный железный сейф. В дверь что-то бухнуло.

Я занес руку, чтобы постучать еще раз, но в этот момент противный голос произнес:

– Иди отсюда!

– Но я…

– Иди!

– Ради бога, пять минут… Четыре, две, одну! Мне нужна ваша помощь.

– Нет, – проскрипел голос, – это мне нужна ваша помощь.

Мой мозг лихорадочно перебирал карточки в архивах, пока не наткнулся на мумию.

– Вам что-нибудь известно о происхождении слова «Калифорния»? – прошамкала она.

Я повторил ее вопрос.

За дверью повисло гробовое молчание, а затем голос прошипел:

– Черт знает что…

По очереди проскрежетали три замка.

– Этого никто не знает, про Калифорнию. Никто.

В двери появилась щель.

– Ладно, давайте… – сказал голос.

Из щели высунулась ладонь, похожая на мясистую морскую звезду.

– Кладите свою!

Я накрыл ее ладонь своей.

– Переверните.

Я перевернул руку ладонью вверх, и она сжала ее, как в тисках.

– Расслабьте.

Она помяла мою руку, затем большим пальцем прощупала линии на ладони.

– Не может быть, – прошептала она.

Обследовала бугорки, расположенные под пальцами.

– Так и есть, – со вздохом сказала она.

А потом добавила:

– Вы помните свое рождение.

– Откуда вы узнали?

– Вы же седьмой сын седьмого сына!

– Ничего подобного, – сказал я, – я один в семье, у меня нет братьев.

– Боже! – Ее рука дернулась. – Вы будете жить вечно!

– Никто не…

– А вы будете. Не само ваше тело, а то, что вы делаете. Чем вы занимаетесь?

– Вообще-то, моя жизнь у вас в руках…

Она издала смешок.

– Понятно. Актер? Нет… Внебрачный сын Шекспира.

– У него не было сыновей.

– Значит, Мелвилла[23 - Герман Мелвилл (1819–1891) – американский писатель и моряк, автор знаменитого романа «Моби Дик, или Белый кит».]. Внебрачный сын Германа Мелвилла.

– Было бы неплохо.

– Так оно и есть.

Я услышал, как от двери со скрипом отъехало что-то тяжелое, после чего она медленно отворилась.

Моему взору предстала необъятных размеров женщина в огромной мантии из красного бархата – она сидела на троне, поставленном на колесный ход. Громыхая по паркету, этот трон отвез ее в глубину комнаты и остановился у стола, где в свете витражной лампы сияли искрами сразу четыре хрустальных шара. Там же маячил и железный сейф. Не было никаких сомнений, что из недр вот этой стотридцатикилограммовой мясной туши берет начало не что иное, как пронзающий все живое взгляд Царицы Калифии – астролога, хироманта, френолога и специалиста по прошлому и будущему.

– Проходите, я не кусаюсь, – сказала она.

Я вошел. Следом за мной – Крумли.

– Но дверь оставьте открытой, – добавила она.

Во дворе прокричал павлин, и я решил, что это сигнал к тому, чтобы показать ей другую руку.

Поглядев в нее, Царица Калифия отпрянула, как будто ее обдало жаром.

– Вы знаете Грина – писателя? – тихо спросила она. – Грэма Грина?

Я кивнул.

– У него есть роман о священнике, потерявшем веру. Который потом лицезрел чудо – сам же его и вызвал. И его вера воскресла – с такой силой, что он сам чуть не умер от шока…[24 - Здесь упоминается один из романов известного английского писателя 1940–50-60-х годов, автора знаменитого романа «Тихий американец» Грэма Грина (1904–1991) – этот роман называется «Власть и слава».]

– И что?

– И вот… – Она вдруг замолчала и уставилась на мою ладонь, как будто это был предмет, никак не связанный с остальным моим телом. – О боже…

– С вами случилось то же самое, что с тем священником?

– Боже милосердный! – Она почти меня не слушала.

– Вы потеряли веру и дар исцеления?

– Да, да… – очнулась она.

– А теперь, вот прямо сейчас, она к вам вернулась?

– Да, черт возьми!

Я прижал руку к груди, чтобы прекратить доступ к информации.

– И как же вы это поняли? – спросил я.

– А мне и понимать не надо. Это же… как удар током.

Я помахал перед ней свадебным приглашением и страничкой светской хроники.

– Вы были у него наверху… – сказала она.

– Нечестно. Вы подсмотрели.

Она криво ухмыльнулась и издала утробный смешок.

– От него люди рикошетом попадают ко мне.

– Не думаю, что это происходит часто, – сказал я. – Можно мне сесть? Иначе я просто упаду.

Она кивнула на стул, стоящий на безопасном расстоянии от ее трона. Я тут же плюхнулся на него.

Крумли, на которого никто не обращал внимания, стоял в сторонке и имел крайне недовольный вид.

– Так вот, о Раттигане. У него в принципе редко кто бывает. Никто не знает, что старик еще жив и что он живет на Маунт-Лоу. А вот сегодня, представьте, нагрянули гости – да еще со скандалом.

– Истеричка… – На вершину горы мяса словно набежала черная туча. – Я ее на порог не пустила!

– Кого – ее?

– Говорила же я себе: не рассказывай никому о будущем, даже если ты его знаешь. – Царица Калифия бросила взгляд на свои хрустальные шары. – Намекнуть – пожалуйста! Но я не обязана никому указывать, какие акции покупать и с кем ложиться в постель. Диету могу посоветовать, витамины продаю, китайские травы… Но не бессмертие же.

– А сами только что обещали.

– Вы – другое дело. – Она вытянулась вперед, и колеса ее трона скрипнули. – Ваше будущее у меня – как на ладони. Я еще никогда не видела ничье будущее так четко. И я вижу, что вы в смертельной опасности! Вы можете выжить, но кто-то очень хочет этому помешать. Будьте осторожны!

Она закрыла глаза и на некоторое время погрузилась в молчание.

– Вы – ее друг? Вы знаете, о ком я.

– И да и нет, – сказал я.

– Все так говорят. В ней и черное, и белое, и черт знает что еще.

– Мы, вообще, о ком говорим?

– Обойдемся без имен. Это ее я на порог не пустила. Час назад.

Я переглянулся с Крумли.

– Похоже, мы идем за ней след в след. Вот-вот догоним.

– Не советую, – сказала Калифия. – Она так тут верещала, что я не удивлюсь, если у нее в кармане нож. Орала мне: «Никогда не прощу! Ты нас направила на ложный путь! Мы запутались! Мы заблудились! Чтоб тебе гореть в аду!» А потом газанула и уехала. А я теперь всю ночь спать не буду.

– Может, я скажу глупость, но она не уточнила – куда?

– Почему глупость? – сказала Калифия. – Значит, так. Сначала она сходила к этому старому болвану на Маунт-Лоу, которого когда-то бросила в одну ночь… Потом заявилась ко мне, которая ее во все это «втянула»… Ну а теперь, наверное, на очереди тот, кто проводил церемонию. Мечтает собрать нас всех вместе и сбросить со скалы!

– Придется ей, видимо, похоронить эту мечту.

– Как знать? Сколько женщин было у вас за всю жизнь?

Подумав, я с некоторым смущением ответил:

– Одна.

Царица Калифия промокнула лицо носовым платком величиной с банное полотенце и, вновь войдя в образ, царственно подъехала ко мне. Свой трон она приводила в движение с помощью ног, обутых в изящные туфельки. Я вдруг заметил, что ее кукольные ступни занимают неправдоподобно малую территорию на фоне бескрайних просторов туловища – особенно по сравнению с огромной луной обрюзгшего лица. И где-то там, под всей этой массой, вдруг промелькнул призрак Констанции…

Царица Калифия закрыла глаза.

– Она вас использует. Вы ее любите?

– Соблюдая технику безопасности…

– Правильно. Будьте всегда начеку. Она просила вас сделать ей ребенка?

– Если и просила, то без помощи слов.

– Действительно, а зачем слова? Рожать мертвых выблядков можно и без слов. Расплодила монстров по всей долине Лос-Анджелеса… Загадила и без того вшивый Голливуд до самого Мейна… Вот что я вам скажу: сожгите постель, в которой вы с ней спали, развейте пепел по ветру и пригласите священника.

– Какого еще священника, зачем?

– Какого конкретно, скажу позже. А пока продолжим по поводу… – Она запнулась, чтобы ненароком не произнести имя. – По поводу нашей дорогой подруги. Что-что, а исчезать из поля зрения она любит. Это одна из ее фирменных уловок – заставлять мужчин нервничать. Сначала она быстренько выносит им мозг. А потом они выходят на улицы и устраивают массовые беспорядки. Так что в вашей ситуации… Помните такую игру – «Кролик Виггили»?[25 - Кролик Виггили – старый кролик, страдающий ревматизмом, главный герой детских книжек известного американского писателя начала XX века Говарда Гэриса (1873–1962).] Как там было? «Скок-поскок – на шесток, и молчок!»

– Но я ей нужен!

– Конечно, нужен! Еще бы! Она же питается дурной энергией. Получает удовольствие, когда делает кому-нибудь гадости. Она бы и Рим смогла разрушить одним только взглядом. А вас так просто сожрет – и не подавится. Эх, попадись она мне… так бы и раздавила прямо вот этими колесами! Ладно, давайте руку, посмотрю еще раз… – Трон снова заскрипел, и гора плоти угрожающе приблизилась.

– Хотите забрать свои предсказания обратно?

– Нет. Я говорю только то, что вижу на ладони. В жизни вы можете все сделать по-другому! Порвите газету. Сожгите приглашение. Уезжайте из города. А главное – пожелайте ей смерти. Так и скажите: умри, гадина. Но не при личной встрече, а по телефону, желательно отъехав подальше. А теперь идите!

– А сейчас мне… куда?

– О господи… – раздраженно прошептала она, закрыв глаза. – Загляните в приглашение.

Я поднял к глазам листок и прочел:

– Шеймус Брайан Йозеф Раттиган, собор Святой Вивианы, священник.

– Идите к нему и скажите, что его сестра на полпути в ад – пусть пришлет ей святой водички. А теперь все, валите отсюда! У меня и без вас куча дел.

– Интересно, каких?

– Тьфу на тебя!

Крепко сжимая в потной руке отца Шеймуса Раттигана, я попятился назад и натолкнулся на Крумли.

– А вы, собственно, кто? – спросила Калифия, наконец-то заметив, что у меня есть спутник.

– Я думал, вы знаете… – сказал Крумли.

Мы вышли и прикрыли за собой дверь.

Через несколько секунд дом содрогнулся от глухого удара, и Калифия крикнула из-за двери:

– И передайте ей, чтобы больше здесь не появлялась!

Я переглянулся с Крумли.

– А тебе она будущее так и не предсказала…

– Воистину, безгранично милосердие господне, – сказал Крумли.

Глава 13

Мы спустились по крутой лестнице, и уже возле машины Крумли пристально вгляделся в мое лицо, освещенное мертвенным лунным светом.

– Что это с тобой? – спросил он.

– А что?

– У тебя вид как у бешеной собаки.

– Ну, я же только что приобщился к вере…

– Ладно, залезай уже, с божьей помощью.

Я сел в машину, чувствуя, как меня пробирает озноб.

– Куда едем?

– К собору Святой Вивианы?

– Жеваный карась!

Он включил зажигание.

– Нет! – взмолился я. – Еще одной очной ставки я не выдержу. Давай лучше домой, Джеймс! В душ, потом по пиву – и на боковую. А Констанцию догоним с утра.

Мимо правого борта неспешно проплыла вывеска «Каллаган и Ортега». Наконец-то у Крумли был довольный вид.

Перед тем как пойти в душ, принять пиво и заснуть мертвецким сном, я развесил над кроватью семь из восьми трофейных газет – на случай, если я проснусь и мне в голову придут конструктивные мысли.

Должны же быть причины, по которым все эти имена, фотографии, крупные и мелкие заголовки бережно хранились долгие годы. Необъяснимые или объяснимые причины.

– Ну вот, пароход тебе в рот! – проворчал Крумли. – Ты что – собрался ночевать со всей этой мертвечиной?

– Ночью они все спрыгнут со стены, пролезут сквозь мои веки в череп и пройдут обработку в творческом полушарии мозга.

– В творческом, говоришь? Японские самураи… Американские бульдоги… Все они спрыгнут с катушек, как ты, и будет у вас один общий дурдом?

– Знаешь что? Если в мозг ничего не вкладывать, то ничего и не выйдет.

– Подожди, пока я прикончу бутылочку… – Крумли глотнул пиво. – А потом уже ночуй со своими дикобразами. И вставай с первыми пандами… – Он кивнул в сторону чьих-то висящих на стене фамилий, фотографий и биографий. – Констанция там где-нибудь есть?

– Пока что она на кладбище несбывшихся надежд.

– Ладно, греби в душ. А я тут посторожу некрологи. Если начнут спрыгивать, буду кричать. Кстати, как ты насчет того, чтобы опрокинуть на ночь по стаканчику маргариты?[26 - Маргарита – мексиканский коктейль из текилы, сока лимона или лайма и ликера.]

– Признаться, я ждал этого вопроса.

Глава 14

В полдень мы уже ехали к собору Святой Вивианы – Центральный район Лос-Анджелеса, Скид-Роу…[27 - Скид-Роу – бедный район, где расположено много притонов и ночлежек, «дно».] Мы двигались на восток, минуя большие трассы.

– Смотрел «Если бы у меня был миллион»? – спросил Крумли. – Помнишь, там Уильям Филдс[28 - Уильям Филдс – американский комик, актер, фокусник и писатель (1880–1946).] накупил себе старых «Фордов» и таранит на них дорожное хамье? Я тоже не люблю большие магистрали. Ездить невозможно – так и хочется вломиться кому-нибудь в зад… Ты меня слушаешь?

– Надо же, Раттиган… – сказал я. – Я думал, что хорошо ее знаю…

– Как бы не так, – краем губ усмехнулся Крумли. – Хрена ты кого знаешь. Великий американский роман он собрался писать… Научись сперва отличать дерьмо от шоколадки. Все герои на одно лицо – прекрасные принцы и скромные пастушки, – он махнул рукой. – Тебя спасает лишь то, что другие писатели и того хуже – только поэтому вся твоя приторная хрень сходит тебе с рук. А дерьмо – что? Дерьмо пусть месят реалисты…

Я молчал.

– Знаешь, в чем твоя проблема? – Крумли спохватился и сбавил тон. – Ты любишь людей, которые этого недостойны.

– Ты имеешь в виду себя, Хрум-хрумли?

Он покосился на меня с некоторой опаской.

– Да я-то еще ладно, – сказал он. – Слегка потертый, но пробу еще пока есть где ставить… Стоп! – Крумли ударил по тормозам. – Круглый свод – там поп живет!

Я выглянул в окно и увидел собор Святой Вивианы на Скид-Роу. Здесь было так тихо, что казалось, здешние обитатели вымерли, а у тех, кто остался, жизнь протекает, словно в замедленном кино.

– Вот где селиться-то надо было… – сказал я. – Ты пойдешь внутрь?

– Черта с два! Меня отлучили от церкви еще в возрасте двенадцати лет – за связи с порочными женщинами.

– Снова причащаться не собираешься?

– Разве что когда умру… Выпрыгивай, неудачник. Приехали. От Царицы Калифии прямиком к Царице Ангелов.

Я вышел из машины.

– Прочти за меня «Аве, Мария», – сказал Крумли.

Глава 15

В храме после полудня был мертвый час. Только одна прихожанка, желающая покаяться, ждала возле исповедальни. Вышел священник и кивком пригласил ее пройти в кабинку.

По его лицу я сразу понял, что мы пришли по адресу.

Как только женщина ушла, я незаметно нырнул на ее место.

В окошке за решеткой зашевелилась тень.

– Слушаю, сын мой.

– Простите, святой отец, – выпалил я. – Калифия…

В ту же секунду я услышал ругательство, и дверца исповедальни со стороны священника со стуком распахнулась. У святого отца был такой вид, как будто словом «Калифия» я нанес ему пулевое ранение.

В окошке сидело ожившее дежавю Раттиган. У меня было полное ощущение, что передо мной скелет Констанции, на который каким-то неведомым образом надели другую плоть. В результате этих преобразований коричневый загар превратился в мертвенно-бледную немощь священника эпохи Ренессанса, а губы, открытые наслаждениям и изысканным блюдам, были заменены на уста, никогда ничего не жаждавшие, кроме молитвы о спасении. Он был похож на Савонаролу[29 - Джироламо Савонарола (1452–1498) – итальянский священник, проповедник и реформатор церкви.], который умоляет безмолвствующего Господа простить ему неистовые речи – и при этом у него из глаз, откуда-то из глубины черепа, дерзко выглядывал призрак Констанции.

После некоторых внутренних терзаний отец Раттиган счел меня достаточно безопасным, несмотря на оброненное мной слово, и, кивнув в сторону ризницы, завел меня туда и закрыл дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Была темная грозовая ночь – знаменитая, часто упоминаемая в пародиях вступительная фраза из романа «Пол Клиффорд», написанного в 1830 году английским писателем Эдвардом Булвером-Литтоном – родоначальником жанра криминальной беллетристики…

2

Венеция – восточный пригород Лос-Анджелеса на берегу Тихого океана, построенный в начале XIX века по образцу итальянской Венеции.

3

Эрих фон Штрогейм – австрийский актер и режиссер (1885–1957).

4

Джек Джилберт – американский поэт и автор эротических романов (1925–2012).

5

Род ля Рок – американский актер (1898–1969).

6

…скользит на доске по волнам прибоя – судя по всему, героиня Брэдбери увлекалась бодисерфингом – так называется катание по волнам на маленькой доске с маленькими ластами, при котором в качестве глиссирующей поверхности используется тело серфера…

7

Cold Duck – американское игристое вино.

8

Форест-Лаун – знаменитое калифорнийское кладбище, мемориальный парк Forest Lawn, что в переводе с английского означает «лесная поляна».

9

Шрифт Брайля – тактильный шрифт для слепых, изобретенный французом Луи Брайлем (1809–1852).

10

Джордж Гершвин (1898–1937) – знаменитый американский композитор, который в 1928 году ездил в Европу – в частности, в Париж, где сочинил и записал популярное произведение «An American in Paris» и ряд других.

11

Эбби – театр в Дублине.

12

Meglin Kiddie – популярная в 1930–40–50-е годы театральная труппа, состоящая из актеров-детей до 16 лет.

13

Эрнан Кортес (1485–1547) – испанский конкистадор, завоевавший Мексику и уничтоживший государство ацтеков.

14

Граб-стрит – улица в Лондоне, название которой стало нарицательным для обозначения литературных поденщиков, дешевых компиляторов и «желтых» журналистов.

15

«Христианская наука» – протестантская секта, основанная в 1866 году Мэри Бейкер-Эдди, пропагандирующей исцеление силой духа.

16

Нельсон Эдди (1901–1967) и Джанетт Макдональд (1903–1965) – популярный вокальный дуэт 1930–1940-х годов, снялись вместе в нескольких музыкальных

фильмах.

17

Кларк Гейбл (1901–1960) и Кэрол Ломбард (1908–1942) – голливудские звезды, муж и жена с 1939 года.

18

Имеется в виду известный гейзер Old Faithful – одна из достопримечательностей Калифорнии.

19

Эниветок – атолл в Тихом океане из группы Маршалловых островов, на котором в 1946–1958 годах армия США проводила испытания ядерного оружия.

20

Здесь имеется в виду популярный американский фильм – комедия-вестерн 1927 года «Жизнь Райли».

21

Аллюзия на известный фильм 1945 года «Дорога в Марокко».

22

Румпельштильцхен – карлик из сказки братьев Гримм, который от злости разорвал самого себя.

23

Герман Мелвилл (1819–1891) – американский писатель и моряк, автор знаменитого романа «Моби Дик, или Белый кит».

24

Здесь упоминается один из романов известного английского писателя 1940–50-60-х годов, автора знаменитого романа «Тихий американец» Грэма Грина (1904–1991) – этот роман называется «Власть и слава».

25

Кролик Виггили – старый кролик, страдающий ревматизмом, главный герой детских книжек известного американского писателя начала XX века Говарда Гэриса (1873–1962).

26

Маргарита – мексиканский коктейль из текилы, сока лимона или лайма и ликера.

27

Скид-Роу – бедный район, где расположено много притонов и ночлежек, «дно».

28

Уильям Филдс – американский комик, актер, фокусник и писатель (1880–1946).

29

Джироламо Савонарола (1452–1498) – итальянский священник, проповедник и реформатор церкви.

Купить: https://tellnovel.com/rey-bredberi/davayte-vse-ub-em-konstanciyu

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити